П.Г. НЕМАШКАЛОВ
(Ставрополь)

РАЗВИТИЕ ЧЕРНОМОРСКОЙ ЕКАТЕРИНО-ЛЕБЯЖЬЕЙ НИКОЛАЕВСКОЙ ПУСТЫНИ И ВОЙСКОВОЕ КАЗАЧЬЕ УПРАВЛЕНИЕ

Привлечение ранее неопубликованных источников позволило воссоздать историю становления Черноморской Екатерино-Лебяжьей Николаевской пустыни – одного из старейших мужских монастырей на Северном Кавказе. Изначально созданный для иноческого подвига склонных к тому выходцев из казачьей среды, он не смог долгое время достичь истинного монастырского духа по целому ряду субъективных факторов, которые проанализированы в данной статье.

Ключевые слова: *Кавказская епархия, Черноморская Екатерино-Лебяжская Николаевская пустынь, казачество, монастырская жизнь.*

На протяжении всего XVIII в. система церковной жизни неоднократно подвергалась реформированию самодержавием. Основной целью данных преобразований было превращение священно- и церковнослужителей в «полезных для государства людей», рассмотрение церковных вопросов с точки зрения государственных интересов и сведение православной религии к обрядовому делу. При этом монастыри с момента возникновения христианской религии на территории России несут духовно-нравственное просвещение и очищение народа. Не стоит приуменьшать их просветительскую и колонизационную деятельность относительно народов, которые при их посредничестве соприкасались с великой русской культурой, особенно в условиях Северного Кавказа первой половины XIX в.

На основании указа Синода, по распоряжению Екатерины II от 24 июля 1794 г., по прошению кошевого атамана Захария Чепеги, разрешалось устроить монашескую обитель. Екатерино-Лебяжья Николаевская пустынь заменяла переселявшимся в Черноморию запорожским казакам Межигорский монастырь, куда старые сечевики обыкновенно удалялись на покой и покаяние. Создаваемый монастырь содержался за счет Черноморского войска без участия государства и организовывался по примеру штатных монастырей империи. Штат монастыря определялся на основе положения о Саровской пустыни, по которому в него включались настоятель, тридцать монахов и послушников, десять больных – всего 41 человек [7, с. 4–5].

Послушники, принятые в монастырь, не утверждались в звании до окончательного увольнения из казачьего сословия Войсковой канцелярией. Их назначали в обучение и послушание к старцам, к выполнению работ по указанию настоятеля, первые три года им запрещалось потребление спиртного, а к исповеди и причастию допускались четыре раза в году по окончании постов. Для пострига в монашество Консистория руководствовалась не только временем пребывания в монастыре и «в искусе по свидетельствам о его поведении», но и имеющимися монашескими вакансиями на территории епархии [1. Д. 213. Л. 14–14об]. При этом на пострижение требовалось разрешение Синода, которым был установлен возрастной ценз для мужчин в 30 лет [6]. Настоятель монастыря с согласия епархиального руководства мог неспособных к прохождению должности по старости и неспособности к послушанию из штата монастыря исключать, а на их места принимать из числа имеющихся послушников. На подстриг обязательно требовалось согласие Войскового правления, поскольку принявшие его исключались из казачьего сословия [Там же. Л. 1–3].

Определенному Синодом первому архимандриту Феофану в 1795 г. было выдано из Войсковой суммы 30 тыс. руб. ассигнациями. Из этих денег 19 тыс. было потрачено на строительство деревянной церкви с трапезою во имя Великомученицы Екатерины, которая была устроена и освящена в один год. Построенный деревянный храм выглядел очень бедно и больше походил на обычный дом. Настоятельская и братская кельи строились три года. Но поскольку в отношении архимандрита возникли подозрения со стороны Войскового начальства в излишних тратах при строительстве, то для пресечения подобных злоупотреблений определен был со стороны Войска в пустынь экономом капитан Ерко. Ему передавалась оставшаяся часть средств, пустынные строения, церковная утварь, и он должен был принять все имущество пустыни, а по вопросам расхода средств обязан был получать разрешение от Войсковой канцелярии. Несогласный с такими обвинениями архимандрит

© Немашкалов П.Г., 2017

Феофан обратился для разрешения спора к Синоду, на что тот 11 января 1801 г. предписал определить двух или трех человек из Черноморского Войска в содействие епархиального преосвященного, чтобы избегать подобных случаев [2. Д. 920. Л. 1–2].

После такого поворота событий первый архимандрит удалился в 1801 г. от управления неустроенного в монашеской жизни монастыря на покой в Самарский монастырь. Для наведения порядка в обитель Синодом был прислан высоконравственный архимандрит Дионисий, который раньше был настоятелем Белозерского Кириллова монастыря. Однако он не был знаком с обычаями казаков и был признан не способным для управления монастырем. В 1802 г. его сменил архимандрит Товия, которому Синод, осознав свое заблуждение, предписал принять пустынь со всем церковным и монастырским имуществом в свое управление только при одном условии: отчеты по экономии монастыря передавать Войсковой канцелярии [Там же. Л. 2–3].

Новый настоятель проявил себя грамотным администратором. Он сразу учредил контору из числа монашествующих, в которой постоянно заседали наместник, казначей и ризничий. Компетенция учрежденной конторы устанавливала статус самоуправления и ограничивала вмешательства в дела монастыря [7, с. 7–8]. При новом архимандрите было основано производство кирпича из местного материала, который стал основным строительным материалом для возведения соборной церкви 6 августа 1804 г. Постройка стен и перекрытий церкви была закончена к 1812 г. Этот храм имел 9 куполов и 13 глав, его длина с алтарем и папертью составляла 16,5, широта 11,5, а высота 15,5 саженей. Позже был поставлен иконостас из четырех ярусов хорошего качества. Помимо строительства центрального храма, архимандрит Товия занялся благоустройством пустыни, при нем были сооружены большой кирпичный корпус для помещения братии, гостиница из кирпича для посетителей обители. На отдаленном от пустыни большом Бойсугском лиманом острове в 1809 г. была выстроена кирпичная церковь во имя Всех Святых, при которой были возведены небольшие здания для помещения братии [2. Д. 920. Л. 12–12об]. Сверх этого были приобретены в пользу пустыни рогатый скот, овцы и лошади, что составляло главный источник ее доходов на содержание.

На все многочисленные постройки по обители со стороны Войскового правления было отпущено 9080 руб. ассигнациями, оставшихся из средств, отпущенных еще архимандриту Феофану. Настоятель обители использовал на строительство 236000 руб. ассигнациями, а существующая разница была им собрана и употреблена для развития пустыни [7, с. 14]. При множестве расходов для храма и при недостатке других доходов, кроме пожертвований, архимандрит вынуждал способных из числа братии к участию в работах, в которых участвовал активно и сам. По возникшим доносам Войсковое правление начало разбирательство и расследование. Под предлогом болезни и слабости здоровья настоятель передал управление монастыря в руки Войскового правительства и в 1816 г. выбыл вовсе из Черноморской области, не умевшей ценить его заботливого попечения и прилагаемых им усилий к благоустройству обители.

В последующем настоятелями пустыни были Иоасаф – полгода, Спиридон до 1833 г., а после него – Иоанникий. Все эти настоятели больше заботились об улучшении духовной жизни находящихся в обители, нежели об экономическом устройстве. В 1836 г. произошли возмущения и конфликты от того, что члены Строительного комитета, учрежденного Войсковым правлением, при неограниченной власти в условии отсутствия установленной системы отношений, делали замечания настоятелю и вмешивались во все дела пустыни. По рапорту архимандрита Иоанникия епархиальному начальству о возмущении против него братии была назначена следственная комиссия. После окончания назначенной комиссии в 1838 г. он по собственному желанию был уволен в один из монастырей Тамбовской епархии. В помощь настоятелю в этот период Новочеркасской духовной консисторией на должность казначея были определены высоконравственные священники из сельских приходов епархии [2. Д. 787. Л. 373].

После перемены архимандрита Иоанникия и главного члена комитета вступил в управление пустыни архимандрит Инникентий, но скорая смерть не дала закончить начатые им дела по масштабному преобразованию обители. Впрочем, и он не избежал доносов от неспокойных обитателей вверенной ему пустыни, которых к таковым поступкам склонял архимандрит Спиридон – выходец из черноморских казаков. За эти действия он был выведен Синодом из числа братии пустыни на покой в Валуйский монастырь [Там же. Д. 920. Л. 6–6об]. Иеромонахи Мифодий и Иезекиил, монахи Константин и Матфей, иеродьякон

Ириней в 1840 г. как «подозрительные в поведении и поступках» для пустыни были переведены в Крестовоздвиженский Кизлярский монастырь, оттуда по причине климата их перевели в Кременский монастырь на Дону. Вопрос об их принятии обратно решался в 1843 г. самой братией пустыни. Послушника Дмитренко навсегда запретили принимать в монахи, но никуда не отправляли и оставили на месте [1. Д. 169. Л. 30–33].

С 3 ноября 1840 г. настоятелем монастыря был назначен архимандрит Дионисий. Одно время епископом Кавказским и Черноморским Иеремиею он был включен в члены Кавказской духовной консистории в первый год ее деятельности, позже ему было поручено первоприсутствовать в Екатеринодарском духовном правлении [Там же. Л. 34об–37]. При этом епископ Иеремия в отчете Синоду с сожалением отмечал, что при монастырях, состоящих в Кавказской епархии, никого на покаянии из людей светского звания в течение прошлых лет не было [Там же. Л. 85]. Таким образом, им констатировался упадок на Северном Кавказе монастырской жизни, которая не привлекала к познанию истины веры через обращение к инокам и монастырям.

В начале XIX в. хозяйство монастыря составляли четыре мельницы, три рыбных завода и один кирпичный. На территории монастыря был выстроен настоятельский, братский корпус, церкви, гостиничные и комитетский дома, конюшни и хозяйственные сараи [Там же. Д. 192. Л. 77–79об], но все это пришло в полный упадок на фоне борьбы за контролем над пустынью. Основанный на средства Черноморского войска в финансовой части монастырь ограничивался в распоряжении имеющимися средствами Строительным комитетом, сформированном из казачьих офицеров. Настоятеля монастыря «почитали человеком сторонним и под властью комитета» и, что вообще не укладывается в понимании, на вступление в должность и председательство в Комитете требовали получения особого указа от Войскового правления.

Видимо, противостояние со Строительным комитетом вынудило Дионисия, ссылаясь на расстройство здоровья, ходатайствовать о перемещении в какой-либо другой монастырь. Синод в 1843 г. определил его настоятелем в Симбирскую епархию к Алатырскому Троицкому монастырю. Однако епископ Иеремия ходатайствовал перед Синодом о оставлении архимандрита на настоящем его месте «как человека полезного здешнему краю, давно познавшего дух и потребности его, тем паче что я не имею в виду, кто бы мог заменить его здесь» [1. Д. 192. Л. 1–2]. К своему ходатайству он приложил письмо с аналогичной просьбой командующего Черноморским войском генерала от кавалерии Н. Заводовского [Там же. Л. 13–13об]. За период пребывания Дионисия в пустыни были сделаны следующие работы: перекрыт железом и покрашен вновь главный храм, его стены оштукатурены внутри и снаружи; сделанный резною работой при настоятеле Иннокентии иконостас к пределу Преображения Господня расписан и покрыт позолотой; сооружена со всех сторон обители кирпичная ограда; в линии ограды с восточной стороны выстроен кирпичный флигель; поставлена на восьми дубовых столбах на каменном фундаменте оштукатуренная и окрашенная колокольня; на Киновийском острове церковь оштукатурена и перекрыта [2. Д. 920. Л. 6об.–7об.].

По штату в монастыре должен был находиться 41 монашествующий, при которых со стороны Войскового управления попеременно каждый год присылалось 16 человек служителей. Однако по мере водворения монастырского порядка епископ Иеремия начинает направлять на исправление и покаяние священнослужителей Кавказской епархии в черные работы и под надзор настоятеля. Таким образом, общая численность постоянно находящихся в пустыни в 1847 г. достигла 57–61 человек [3. Д. 328. Л. 3–20], а в 1848 г. – 78, в числе которых было 29 мальчиков из числа детей-сирот духовенства, определенных для призрения [1. Д. 192. Л. 3–5]. Из штаба Войск Кавказской линии и Черномории поступил рапорт в Кавказскую духовную консисторию от исправляющего должность наказного атамана Черноморского казачьего войска, в котором он указывает на совершенную бесполезность для пустыни посторонних лиц, посылаемых по распоряжению духовного начальства. Мало того, что они, по его мнению, не приносят никакой пользы, но являются для монастыря отягощением в содержании. На основании указа 1794 г. об образовании пустыни и Положения о Черноморском войске, по которым монастырь создавался только для одних черноморских казаков, просит удалить из пустыни всех лиц сверх установленного штата [4. Д. 207. Л. 2].

Епископ Иеремия, имея опыт конфликта с казачьим управлением, который привел к расколу Кавказской епархии в 1846 г., начал принимать церковных ослушников к Архиерейскому дому. Обострившееся противостояние вынудило архимандрита Дионисия вновь просить о переводе. Прошение было удовлет-

ворено Синодом в 1850 г., было велено перевести его на такую же должность Тамбовской епархии в Шацкий Николаевский Чернеев монастырь, а на его место в пустынь перевести известного хорошими качествами и строгостью нрава Чернеевского монастыря архимандрита Никона. В Тамбовской епархии он в разное время исполнял должности учителя уездного училища, губернского инспектора Тамбовских училищ, при Архиерейском доме в разное время был казначеем, ризничим и экономом, строителем и игуменом Лебедянского монастыря и др. [3. Д. 231. Л. 49–51об.].

При новом настоятеле обострились отношения со Строительным комитетом, в ведении которого находилось все монастырское имущество и сумма, все отчеты подавались Комитетом Войсковому правлению, а настоятель был устранен от монастырского хозяйства. После своего прибытия в пустынь архимандрит Никон самостоятельно провел ревизию имеющегося имущества, которому составил реестр. В представленном отчете Консистории он отметил, что пустынь находится в величайшем упадке, поскольку «все четыре мельницы стоят без действия, настоятельский корпус с церковью при нем близок к совершенному разрушению, на братском корпусе, что на южной стороне, и гостиничном доме кровля пришла в совершенную ветхость, корпус, где помещается комитет, близок к разрушению <…> планов и межевых книг сей пустыни земель нигде в прописке не было и не имеется» [1. Д. 192. Л. 71–72]. Подводя итог, он указал, что если продолжится означенное опустошение, то многие здания и заведения монастырские должны неминуемо уничтожиться.

Обрушив на Кавказскую духовную консисторию и Синод серию рапортов, в которых Никон выражает недовольство предшественником относительно состояния оставленного имущества и отсутствия порядка в делах монастыря, он принимается за реорганизацию управления и оставшегося имущества. Вместе с братией и назначенными от Войскового начальства была составлена подробная опись имущества, которое невозможно было оценить, поскольку приобреталось оно в разное время с самого основания монастыря и пришло в полную негодность [3. Д. 231. Л. 67–69].

Из-за недостаточности монастырских экономических сумм и ограничения финансирования со стороны Войскового правления Никон оформил с ним беспроцентный кредит на три года в 3 тыс. руб. серебром. Данные деньги были употреблены на усовершенствование экономии монастыря, и, отчитываясь о проделанных за 1853-й год работах, архимандрит отмечал, что «из четырех мельниц две починены и работают; из трех рыбных заводов только лиманный, что близ пустыни приводится в надлежащий порядок, остальные брошены; настоятельский корпус с церковью в 1852 году весь разобран и уничтожен, а вместо него сделан новый каменный с церковью; начаты работы по реконструкции братского корпуса, который перекрыли железом; начато строительство настоятельского дома; гостиничный и комитетский корпуса починены; крыши каретного сарая и конюшен, сараев и банк починены и вновь выкрашены; гостиничный деревянный дом переделан вновь и покрыт в два тиоса и выкрашен; каменный гостиничный дом, что на восточной стороне, внутри переделан, а кровля окрашена медянкою; гостиный дом каменный, что в Кимовии, переделан и вновь покрыт железом крашеным мумиею» [1. Д. 192. Л. 77–79об].

Настоятель настойчиво поднимает вопрос о двойственности управления монастырским экономическим имуществом, которое, по его мнению, бесполезно как для пустыни, так особенно для нравственной части монашествующих. По его инициативе из числа братии назначается эконом, и Комитет ограничивается во вмешательстве в финансовые вопросы монастыря. Данное противостояние закончилось отстранением Комитета от участия в управлении 29 января 1854 г. [Там же. Л. 82–84]. Однако официально монастырь поступил в полное ведение Кавказской епархии только в 1872 г., когда в собственность от Черноморского казачьего войска было предоставлено 522 десятин войсковой земли, все движимое и недвижимое имущество с единовременным капиталом в 50000 руб. [5, с. 284].

Развитию Черноморской Екатерино-Лебяжьей Николаевской пустыни препятствовало не только длительное противостояние переселенцев на новом месте в Кавказском конфликте первой половины XIX в., но и созданная система двойного управления, в которой каждая из сторон преследовала свои интересы. Разрешение экономических проблем уводило монастырь от самой цели – иноческой жизни. Однако двигают вперед дело православной веры праведники, чтимые народом, таковыми во многом были первые настоятели обители, которые в непосильном, порой самостоятельном противоборстве прилагали огромные усилия к распространению православия в регионе и утверждению иночества. Активное участие Войскового правления в жизни обители носило скорее отрицательный характер в этом про-

цессе и тормозило развитие самой обители, роль которой еще предстоит оценить в утверждении Русской Православной церкви на Северном Кавказе.

Список литературы

1. Государственный архив Ставропольского края (ГАСК). Ф. 135. Оп. 1.
2. ГАСК. Ф. 135. Оп. 4.
3. ГАСК. Ф. 135. Оп. 5.
4. ГАСК. Ф. 135. Оп. 6.
5. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях в Российской империи с библиографическим указателем / сост. и изд. В.В. Зверинский. Ч. 1: Преобразование старых и учреждение новых монастырей с 1764–1895 по 1 июля 1890 год. СПб., 1890.
6. Собрание законов Российской империи. 1842. Т. 9. Ст. 239, 240.
7. Черноморская Николаевская пустынь при Лебяжьем лимане. Харьков, 1856.

* * *

1. Gosudarstvennyj arhiv Stavropol'skogo kraja (GASK). F. 135. Op. 1.
2. GASK. F. 135. Op. 4.
3. GASK. F. 135. Op. 5.
4. GASK. F. 135. Op. 6.
5. Material dlja istoriko-topograficheskogo issledovanija o pravoslavnyh monastyrjah v Rossijskoj imperii s bibliograficheskim ukazatelem / sost. i izd. V.V. Zverinskij. Ch. 1: Preobrazovanie staryh i uchrezhdenie novyh monastyrej s 1764–1895 po 1 ijulja 1890 god. SPb., 1890.
6. Sobranie zakonov Rossijskoj imperii. 1842. T. 9. St. 239, 240.
7. Chernomorskaja Nikolaevskaja pustyn' pri Lebjazh'em limane. Har'kov, 1856.

Development of the Black Sea, Yekaterino-Lebyazhy Nikolaevsky desert and Cossack Military department

Involvement of previously unpublished sources allowed to reconstruct the history of the formation of the Black Sea, Yekaterino-Lebyazhy Nikolaevsky desert – one of the oldest monasteries for men in the North Caucasus. Originally created for monastic feats of Cossacks, it could not reach the true monastic spirit for a long time due to a number of subjective factors that are analyzed in the article.

Key words: *Caucasus diocese, Black Sea, Yekaterino-Lebyazhy Nikolaevsky desert, Cossacks, monastery life.*

(Статья поступила в редакцию 03.07.2017)

А.К. АДЖИНИЯЗОВА
(Махачкала)

РАБОВЛАДЕНИЕ И РАБОТОРГОВЛЯ У НОГАЙЦЕВ В XVIII – СЕРЕДИНЕ XIX в.

Рассматриваются рабовладение и торговля людьми в XVIII – середине XIX в. у ногайцев, а также начало искоренения этого явления российским правительством в связи с вхождением ногайцев в Россию. Описаны критерии выбора ясырей при купле-продаже, а также условия, при которых невольник мог обрести свободу.

Ключевые слова: *рабовладение, работорговля, ясырь, невольник, раб, ногайцы.*

Период XVIII – середины XIX в. в истории ногайцев нельзя назвать временем с ярко выраженными элементами патриархального рабства, тем не менее, хотя и уменьшились масштабы торговли людьми, это явление имело место быть. На территории Северного Кавказа в XVIII – начале XIX в. в связи со все более расширявшимися товарно-денежными отношениями не прекращалась торговля рабами, что стимулировало пленение и захват ясырей (невольников, пленников, рабов) [2, с. 185].

В «Актах, собранных Кавказской археографической комиссией» в рапорте ген. Паскевича Правительствующему Сенату от 5 июня 1828 г. под № 1549 отмечается, что «осетины, черкесы, кабардинцы, нагайцы и трухменцы основывают на правилах мухаммеданства их право на владение ясырями и по слову *ясырь*, означающему раба, или правильнее невольника, поступают с ними, как которому хозяину разсудится, без всякаго ограничения законом власти хозяев над сими несчастными жертвами, названными холопьями для прикрытия только жестокаго наименования раба и невольника» [1, с. 29].

Цена невольников была довольно высока: мальчиков оценивали примерно в 500 руб. ассигн., а взрослых мужчин – до 1000 руб. ассигн. Главный караногайский пристав писал Астраханскому нижнему земскому суду 27 сентября 1816 г. о том, что «бежавший от Джембулуковского Старшины Аджиева холоп его Кутлубай, купленный им у черкесского князя Алимоллы за 900 руб., находится ныне в проживательстве у татарина Балтабека, близ Астрахани в Царевом селении. Главный При-

© Аджиниязова А.К., 2017